

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И
БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

Т. М. Судник

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ
СИСТЕМ ДИАЛЕКТОВ
ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

№ 662 - Славянские языки

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических
наук

Москва 1971

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И
БАЛКАНИСТИКИ**

На правах рукописи

Т.М. Судник

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ
СИСТЕМ ДИАЛЕКТОВ
ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

№ 662 - Славянские языки

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических
наук**

Москва 1971

Работа выполнена в Институте славяноведения и балканистики
АН СССР.

Научный руководитель
кандидат филологических наук В.Н.Топоров

Официальные оппоненты
доктор филологических наук Э.Энкиявичус
кандидат филологических наук Т.В.Булыгина

Автореферат разослан . . . . . 1971-г.

Защита диссертации состоится . . . . .
на заседании Ученого совета Института славяноведения и
балканистики АН СССР (Москва, Трубинковский пер., 30-а)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института

Ученый секретарь Совета В.В.Богданов

Эта работа представляет собой опыт описания и типологического сравнения фонологических систем белорусских, литовских и польских говоров, сосуществующих в четырех сельских населенных пунктах: Лаздуны, Герваты, Дятлово (Гродненская область БССР), Довенишки (Эйшицкий район Литовской ССР).

Названные пункты принадлежат территории нынешнего литовско-славянского пограничья. Поэтому прежде чем перейти к изложению специальных вопросов, полезно будет хотя бы в общих чертах охарактеризовать здесь эту территорию, тем более, что некоторые ее особенности имеют прямое отношение к задачам и методу предпринятого нами исследования.

К сожалению, языковая ситуация, сложившаяся к настоящему времени на литовско-славянском пограничье (конкретно речь идет о смежных районах Литвы, Белоруссии и отчасти Польши), в систематическом плане до сих пор не изучалась, поэтому представленная здесь попытка обзора неизбежно будет носить лишь предварительный и во многом далекий от желательной точности и полноты характер.

Если собрать воедино все имеющиеся материалы по этому вопросу, то перед нами вырисовывается картина сложного и чрезвычайно своеобразного в лингвогеографическом отношении пространства, не знающего в ряде мест четких языковых рубежей и часто приближающегося к мозаичной схеме расположения диалектов разных языков. Вот примерный, но вполне красноречивый перечень такого рода явлений.

I. Как известно, ареал белорусских говоров в ряде случаев пересекает административную границу Литвы и Белоруссии и иногда довольно глубоко вдается в литовский

диалектный массив. При этом разграниченно литовского и славянского ареалов в силу сложной языковой ситуации в данной области оказывается довольно трудной задачей: "восточная граница литовской языковой территории очень неясна", пишет В.Зинкявичюс¹).

По наблюдениям диалектологов (А.Видугириса, Е.Гриनावецкене), белорусский язык распространен на значительной территории Виленщины, включающей часть Вильнюсского района, восточную часть Тракайского района, Эйшишкский район.

Известно также, что континуум белорусских говоров образует компактную область вдоль восточной границы Польши. С севера эта область ограничена Августовским каналом, с юга — Бугом (между Наревом и Бугом локализуются уже переходные говоры белорусско-украинского типа), западная граница этой области, установленная по речи старшего поколения, проходит приблизительно вдоль линии Штабин — р.Бесба (до Бзовуки) — Васильков — р. Супрасль (до слияния с р.Наревом) — Страбля — Боцьки — Семятич²).

2. По данным современных исследований (работы В.Зинкявичюса, А.Видугириса, Е.Гриनावецкене, Ю.Сенкуса, И.Шукиса, М.Я.Гринблата и др.), вдоль всей границы Литвы и Белоруссии, от северо-востока к юго-западу, тянется цепочка островных литовских говоров, окруженных ныне белорусской средой.

В частности, диалектологические экспедиции Института литовского языка и литературы 1956 и 1958 годов засвидетельствовали литовский язык примерно в 50 деревнях Браславского и Видзевского районов Витебской области БССР, сконцентрированных главным образом возле местечка Опса.

Литовский язык сохраняется и в Поставском районе Витебской области (окрестности пунктов Лытупы, Коман), а также в нескольких деревнях возле местечка Свирь (Минская область, у границы с Гродненской).

На Гродненщине, в 70 км к востоку от Вильнюса, расположены Гервяты — довольно большой литовский остров, образуемый десятком деревень, прилегающих к этому пункту

(Островецкий район).

На территории Ивьевского района в 100 км к юго-востоку от Вильнюса литовский говор сохраняет старшее поколение хранителей доревни Лаздуны и нескольких соседних деревень.

Литовскую речь все еще можно услышать в деревнях (Ромашанци, Дайнава, Белляны и др.) той части Вороновского района, которая расположена у границы с Литвой.

Стариков, говорящих по-литовски, можно найти почти в каждом селении в окрестностях Радуня (Дирмуны, Баотуны, Пеляса, Заболотье и др.).

Гораздо южнее этих мест, в 50 км к югу от Лиды, в 80 км от литовской границы и в 150 км от Вильнюса, расположен островок, известный в литuanско-го под названием Зотола (Дятлово). Это наиболее далекий от литовского "материка" остров. В настоящее время здесь осталось около 30 хранителей литовского говора (в деревнях Засетье и Погиря).

Говорящих по-литовски можно встретить в окрестностях Поречья.

Компактная зона литовских говоров, располагается вдоль северо-восточной границы Польши, в Сувалском крае, по линии Пуньок-Сейны³).

3. Что касается польского ареала, то он так или иначе представлен, по-видимому, на всей рассматриваемой территории.

Известно, что в западных областях Белоруссии старшее, а иногда и среднее поколение наряду с белорусским часто владеет и польским языком. Степень развития белорусско-польского двуязычия заметно убывает с запада на восток, однако абсолютная восточная граница этого явления пока не освоена. Некоторым ориентиром, разумеется, лишь косвенным и крайне приблизительным, может служить условная линия Освея-Бегомль - Логойск-Руданск-Слуцк - Старобин - Давид-Городок, вокруг которой группируются меридианальные изоглоссы белорусских говоров⁴).

Польский язык распространен также на территории Литвы и особенно в Виленском крае, где он существует обычно в условиях дву- или многоязычия. В окрестностях же Пабраде, Неменчине, Пабярже, Майшегала польский язык доминирует, выступая в качестве основного средства общения (А.Видугирис, Е.Гриनावецкене).

Говорящих и понимающих по-польски можно встретить и в селениях крайнего юго-запада Литвы.

Такова в общих чертах современная лингвогеографическая картина территории соседства литовского, белорусского и польского языковых ареалов. Разумеется, она может быть уточнена и дополнена, но, по всей вероятности, лишь за счет новых свидетельств лингвистического разнообразия этой области.

Вполне закономерно, что территория, отличающаяся столь значительными взаимопроникновениями ареалов, должна служить и служит ареной интенсивных и разнообразных языковых контактов. Об этом сейчас трудно судить со всей определенностью, и не только по причине недостатка соответствующих исследований, но также и потому, что языковые отношения в этом районе чрезвычайно изменчивы и динамичны.

Попытаемся все же наметить некоторую общую схему языковых контактов в интересующем нас районе, вполне осознавая ее несколько упрощенный характер и необходимость последующих дополнений и корректив.

Максимальным вариантом контактной ситуации применительно к территории литовско-славянского языкового пограничья следует считать по-видимому те случаи, когда в пределах одного и того же речевого коллектива имеет место повседневный контакт диалектов трех языков - литовского, белорусского и польского. Насколько нам известно, подобная ситуация характерна для литовских островов Гродныщины, а также для некоторых мест Виленского края Литвы (в частности, Эйшишкский район⁵).

Сосуществование трех языков в пределах одного пункта как правило сопряжено с активным трехязычием по крайней

мере части населения, дифференциация из остального контингента говорящих связана с устранением (точнее ослаблением) либо одного компонента (двуязычие), либо двух компонентов (одноразичие, то есть активное владение лишь тем диалектом, который в условиях данного коллектива является межъязыковым средством общения), при этом, разумеется, не может быть речи о дву- или одноразичии в чистом виде.

При описании максимального типа контактной ситуации строго говоря нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что в современных условиях (роль школы, средств связи и сообщения и т.п.) более или менее влиятельными участниками контакта становятся фактически и литературные варианты белорусского, литовского и польского языков. Для территории Белоруссии и Литвы следует учесть кроме того и довольно заметное влияние русского языка. Вот один из примеров географического варьирования максимальной контактной ситуации: если в трехъязычных пунктах Белоруссии посредствующим языком является белорусский, то в некоторых местностях Эйшишского и Вильнюсского районов Литвы на эту роль претендуют два языка - литовский и белорусский; далее следует думать, что в трехъязычных пунктах Виленщины, в плотную приближенных к сплошному литовскому диалектному массиву, ведущим является литовский язык, а скажем, в Лаварышках, окрестностях Неменчине или Пабраде - польский.

На некоторых участках рассматриваемой территории в отношении повседневного контакта вовлечены два языка (причем иногда это является недавним результатом постепенной редукции и утраты одного компонента максимальной контактной ситуации), что сопровождается двуязычием по крайней мере части населения. Так, в западных областях Белоруссии (если не иметь в виду островные литовские селения) и в смежных районах восточной Польши взаимодействуют белорусский и польский языки. На северо-восточной окраине Польши, прилегающей к Литве, и в некоторых пунктах Виленщины в рамках одного и того же коллектива функционируют литовский и польский языки. Что же касается литовско-белорусских контактов, то для описываемой территории характерно, что в чистом виде они, пожалуй, нигде не представлены, а развер-

живаются обычно при участии как или шачо обозначенного польского фона.

Наконец, следует указать о возможных на данной территории приближенных к условиям одноязычия. Важно заметить, что в этих случаях чаще всего имеют место скрытые формы языковых контактов. Они могут обнаруживаться, например, в том, что говорящие нередко владеют некоторыми фрагментами другого языка (лексикой, фразеологизмами, отдельными словами), понимают хотя бы частично произносимое на другом языке или во всяком случае оказываются в состоянии безошибочно определить принадлежность сказанного к тому или иному языку.

Постоянно возобновляющиеся языковые контакты приводят к тому очевидному уже при предварительном знакомстве положению, что лингвистическое сознание говорящих, населяющих данную область, носит несколько особый характер, безусловно отличный от ситуации на смежных территориях. Обращает на себя внимание в частности тот факт, что члены многоязычного коллектива, оказываясь перед необходимостью выбора одного из двух или нескольких возможных языков, обычно руководствуются некоторыми общими для всех правилами языкового поведения, предписывающими однозначный выбор языка в зависимости от конкретной ситуации речевого общения (оущественную роль при этом могут играть такие факторы, как однородность или неоднородность группы говорящих относительно родного языка, количество говорящих или даже темп разговора и т.д.). Таким образом, оказывается, что в сознании говорящих облик каждого языка осложнен некоторыми предопределенными о его престиже, которое само по себе также подлещит географическому варьированию.

Характерно и то, что говорящие в данной области как правило склонны отмечать и осознавать скорее сходства в структуре знакомых им языков, нежели расхождения между ними, а в своей практике дву- или многоязычия они реализуют некоторые правила соответствий между элементами употребляемых языков, в известном смысле аналогичные системам соответствий в сравнительно-историческом языкознании.

Об интензивном характере контактов свидетельствует и этническая предистория этой области, которая в свою очередь поражает быстротой и радикальностью процессов ассимиляции. Соплекая на этнографические исследования И.Я.Грицблата, который прослеживает этническую эволюцию нынешней северо-западной Белоруссии начиная с того периода, когда литовский (или балтийский) элемент был там, по-видимому, единственным, и далее показывает, основываясь на материалах старых демографических отчетов и данных о распространении литовского языка, что на протяжении последних ста лет литовский этнический элемент почти полностью растворился в славянском, то-есть белорусском (уцелели лишь остаточные островки, где процесс ассимиляции завершается на наших глазах). Естественно, что столь быстрые и радикальные перемены возможны лишь на фоне интензивных и многообразных языковых и этнических контактов.

Все, что было здесь сказано о характере языковой ситуации на территории литовско-славянского пограничья, дает основания предполагать, что литовские, белорусские и польские говоры, локализуясь в этой области, обнаруживают в своей структуре значительное и, вероятно, продолжающее расти число типологически сходных черт, отличаясь от остальных территорий более высокой концентрацией подобных сходений и образуя лингвогеографическое единство, близкое языковым союзам. Некоторые из этих общих типологических особенностей уже были отмечены ⁶⁾, однако это самый предварительный перечень. Он учитывает лишь те примеры, которые очевидны уже при теперешнем состоянии исследований. Но примечательно, что и эти факты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что тенденция к типологическому сближению так или иначе затрагивает различные уровни контактирующих говоров.

Так, при несомненном единстве фонетической, материальной базы есть основания говорить и о наметившемся выравнивании фонологических систем, касающемся как парадигматического, так и синтагматического плана (ср. некоторые общие особенности функционирования признаков палатальности и напряженности в литовских и белорусских говорах,

донализацию в польском вокализме, сходные явления начала слова в литовских, белорусских и польских говорах и т.д.).

В области морфологии характерны факты заимствования морфологических элементов, возникновения креолизованных форм, материальной адаптации морфов, а также явления перегруппировки собственных различительных средств языка и предпочтительного употребления тех из них, которые находят материальную или структурную аналогию в другом языке. Еще очень неясно, насколько подобные явления затрагивают план содержания (с notably грамматических категорий), но по всей вероятности преобразования возможны и здесь.

Что касается синтаксиса, то обращает на себя внимание преобладание в говорах этой области наиболее простых и инвариантных с точки зрения языковых и диалектных различий конструкций. Унифицирующие тенденции очевиднее всего в синтаксисе падежей, предельных конструкций, глагольном управлении; замечено, что с особой свободой переходят из языка в язык устойчивые, приближающиеся к фразеологизмам словосочетания.

Вполне понятно, что в данной области чрезвычайно актуальны также процессы лексического взаимодействия. Об их природе можно судить хотя бы по словарю славянских заимствований в литовском твердочном говоре, оставленном Я.Отромбским⁷⁾. В непрерывной практике заимствования у говорящих выработался четкий механизм фонетической и морфологической адаптации иноязычных слов, а это в свою очередь делает более простыми и освоенными пути дальнейшей лексической интерференции.

Надо полагать, что во многих случаях подобные изменения словаря бывают сопряжены с преобразованиями и в плане семантических противопоставлений.

Словообразовательные отношения также подчиняются общей тенденции. Уже сейчас можно сослаться на примеры заимствования словообразовательных элементов и на частные в данной области случаи калькирования.

Таковы в самом общем виде те признаки конвергентного развития диалектов литовско-славянского пограничья, которые могут быть намечены на основе переосмысления известных в настоящее время диалектных материалов. Если же еще принять во внимание, что наблюдения такого рода постоянно возобновляются и накапливаются в диалектологической практике, то становится очевидным, что для адекватной лингвистической интерпретации названной диалектной области необходимо изучение ее в ареально-типологическом плане.

Смысл такого подхода состоит в том, что он, во-первых, ориентируется на сплошное планомерное обследование литовских, белорусских и польских говоров, относящихся к данной территории, и во-вторых, предполагает полное и единообразное описание диалектных систем, подлежащих сравнению. Только при соблюдении этих условий показания говоров окажутся сопоставимыми и предстанут в обзорной форме, пригодной для окончательных типологических выводов.

В настоящее время территории литовско-славянского пограничья в этом плане еще очень мало изучена. Достаточно сказать, что по некоторым диалектам или целым диалектным комплексам попросту отсутствуют какие бы то ни было материалы. Так, совершенно не исследованы белорусские говоры на территории Литвы. Не описывалась также польская речь населения западных областей Белоруссии. Что касается польских говоров в Литве, то их библиография исчерпывается статьями К.Нича и Я.Отромбского и несколькими чрезвычайно ценными довоенными работами Г.Турской. Остаются неисследованными некоторые литовские островные говоры на территории Белоруссии, а также продолжение литовского диалектного массива в северо-восточной Польше.

Не менее существенно и то, что сведения об указанном круге диалектов, которыми мы все же располагаем в настоящее время, чаще всего далеко не полны и лишь частично сопоставимы. Это легко объяснить, если учесть, что литовско-славянское языковое пограничие было пространством, где издавна граничили между собой и разные диалектологические традиции. Естественно, что различие описательных и классификационных процедур, применявшихся при этом к

литовским и славянским диалектам, воле и известной разрозненности результатов работы и действовало тому, что вопрос о сходстве, зависящем от смежного положения в пространстве, почти не вставал.

Правда, отдельные языковые факты сопоставлялись между собой, и такие сопоставления были известны уже давно. Так, Я. Розвадовский писал о фонетическом родстве дифтонгов в смешанных белорусских и литовских говорах, Е.Ф. Карский отметил ряд лексических литуанизмов в белорусском, а А.Салис обратил внимание на то, что изофона дзюкашья охватывает как раз те литовские говоры, которые приписывают к территории белорусов. Некоторые совпадения отмечались и впоследствии, но они не могли объединиться в общую непротиворечивую картину, поскольку для сравнения употреблялись разрозненные факты, к тому же сама правомерность сопоставлений иногда вызвала сомнения, так как на первом плане преимущественно оказывались вопросы генетической интерпретации.

Интерес к языковой ситуации литовско-славянского пограничья резко возрос в самые последние годы.

К изучению литовско-белорусских языковых контактов вплотную подошли белорусские диалектологи, завершив "Дыялекталагічны атлас беларускай мовы" (под ред. Р.І. Адамова, К.К. Крапіты, Ю.Ф. Мацковіч. Мінск, 1963) и комплекс связанных с ним работ по лингвотической географии Белоруссии. На основе атласа и по материалам литовско-белорусской экспедиции 1966 года уже появилось несколько статей (П.П. Ковальчук, Ю.Ф. Мацкович, Е.П. Ромашович и др.), посвященных северо-западной зоне белорусских говоров, прилегающей к литовскому диалектному массиву. Более активно стали разрабатываться в последние годы проблемы ономастики (Н.В. Бирилло, А.П. Ванатас) и лексика литовского происхождения в белорусском 8).

Вопросам современных языковых контактов литовцев и славян уделяют внимание и литовские последователи. Инновации в порифорейных литовских говорах, вызванные славянским влиянием, отмечены в обобщающем труде Э. Шпикавичюса "Lietuvių dialektologija".

На эти темы появилось и несколько специальных работ. Интерес к литовским говорам, соседящим со славянами, неизменно разделяют А. Видугирис, Е. Гринавецкене, Ю. Сенкус, И. Шукис, В. Урбутис, использовав материалы белорусского диалектологического атласа и последних словарей, опубликовал итоговый обзор литуанцизов в белорусской лексике⁹⁾

Довольно много за последние годы сделано польскими учеными в деле изучения языковой ситуации на территории восточной и северо-восточной Польши. Больше других на эту тему писали Т. Зданевич и Э. Смулкова.

Все эти исследования открывают все новые и новые факты, свидетельствующие о типологическом облике диалектов литовско-славянского пограничья, и тем очевиднее становится задача ареально-типологического изучения указанной диалектной области.

Решение этой задачи важно не только для адекватной лингвистической характеристики данной территории. В статье В. Н. Топорова "К характеристике балто-славянских языковых отношений"¹⁰⁾, где область на стыке балтийского и славянского миров впервые рассматривалась в плане теории языковых союзов, говорится о том, что данная языковая ситуация вызывает интерес и с точки зрения более широких балто-славянских и общетеоретических проблем.

Прежде всего, можно предполагать, что знание современного развития языковых контактов литовцев и славян даст возможность путем типологической конфронтации более реально представить характер и динамику ассимилятивных процессов, имевших место на данной территории в прошлом¹¹⁾ Кроме того, в какой-то степени оно может содействовать уяснению и более общей картины балто-славянских взаимоотношений, которая в исследованиях последнего времени приобретает относительно конкретные черты (ср., например, этимологические работы Ф. Безлая).

Языковая ситуация литовско-славянского пограничья интересна и с точки зрения общей типологии. Дело в том, что если само наличие зависимости между пространственным расположением языков и их типологическими особенностями

в принципе вполне обосновано (Н.С. Трубецкой, Р.О.Якобсон, У.Вейнрейх), то конкретные формы подобной зависимости еще очень неясны. В большей или меньшей степени изучались лишь случаи классических, ярко выраженных языковых созвон, характер же лингвистической интерференции в зонах контакта генетически близких языков, не имеющих традиции типологического изучения, пока что наименее ясен.

Обращаясь к диалектной области литовско-славянского пограничья, необходимо иметь в виду и еще одно обстоятельство. Как уже говорилось, языковые отношения здесь чрезвычайно изменчивы и динамичны, и языковая ситуация в таком виде, как сейчас, в скором времени вероятно перестанет существовать. Поэтому нельзя не признать, что ареально-типологическое изучение диалектов данной области является неотложной задачей.

Совершенно ясно, что при ориентации на фронтальное полевое обследование диалектов уже на первоначальной стадии работы на первом плане оказываются методологические вопросы и прежде всего те из них, которые касаются принципов собирания диалектного материала. И по всей вероятности, для выяснения этих вопросов (составление программ и вопросников, надежно выявляющих черты конвергентного развития контактирующих диалектов, установление сетки пунктов, подлежащих обследованию, приемы записи и каталогизации наблюдений и т.д.) исходным материалом могут послужить опыты описания контактных ситуаций в отдельных пунктах, относящихся к территории литовско-славянского языкового пограничья.

В центре внимания данной работы — языковая ситуация четырех пунктов: Лавдуны (бел. Лавдуны, лит. Lazūnai, польск. Ławduchy) — Пльзевский район Гродненской области БССР, Гервяты (бел. Гервяты, лит. Gervėčiai, польск. Gierwiaty) — Островецкий район Гродненской области, Дятлово (бел. Дзятлава, лит. Zietela, польск. Zdziesięc) — Дятловский район Гродненской области, Девенишки (бел. Дзявенішкі, лит. Dieveniškiės, польск. Dzwieniszki) — Эйшишский район Литовской ССР.

Этот подбор пунктов известен в литуанистике по собранию литовских диалектных текстов П.Арумаа. Основным мотивом выбора для нас было то, что каждый из названных пунктов представляет примерно те условия, в которых окажется диалектолог при полевом обследовании литовско-славянского пограничья. Было важно, что во всех этих пунктах так или иначе реализуется максимальная контактная ситуация, состоящая в том, что один и тот же коллектив использует или может использовать в повседневном общении три языка — белорусский, литовский и польский. Учитывалось и другое: в Лаздунах, Гервятах и Дятлове литовский и польский говоры исчезают на наших глазах, быстрые перемены происходят и в Девенишках, окраинном пункте литовской языковой территории.

Основной задачей работы является описание и типологическое сравнение фонологических систем белорусских, литовских и польских говоров, сосуществующих в указанных пунктах. Выбор фонологического аспекта исследования определялся тем, что именно фонология располагает наиболее разработанными методами описания и типологического сравнения языков, вследствие чего именно в этом плане отдаются первоначальные типологические результаты. К тому же фонологическая типология может максимально использовать накопленные диалектологией материалы, поскольку существующие диалектологические классификации основаны на критериях, учитывающих прежде всего фонетико-фонологические факты. Наконец, есть все основания полагать, что в интересующих нас пунктах процессы фонологической интерференции и типологического выравнивания чрезвычайно активны, так как языковые контакты осуществляются здесь почти исключительно в устной форме.

Материалом для описания послужили имеющиеся собрания литовских диалектных текстов (прежде всего публикации П.Арумаа, А. Видугириса, Ю.Сенкуса, Е. Гринавецкене), а также наши собственные наблюдения и записи белорусской, литовской и польской речи, собранные во время поездок в Лаздуны, Девенишки, Гервяты, Дятлово в 1963—1970 годах.

Работа начинается введением, содержащим обоснование выбранной темы.

Очеркам фонологических систем, которые составляют первые четыре главы работы, предпосланы краткие описания языковых ситуаций исследуемых местностей. В условиях трехязычия эти наблюдения необходимы уже хотя бы потому, что на их основании решается вопрос о выборе информантов, отвечающем цели исследования. В данном случае объектом изучения была, во-первых, белорусская речь говорящих, для которых родным и используемым с рождения языком был белорусский, во-вторых, литовская речь тех, кто рос в литовской семье и о детстве говорил по-литовски, и в-третьих, польская речь лиц, более или менее активно владеющих польским языком. Во всех случаях это были представители старшего поколения, поскольку именно они являются основными хранителями угасающей ныне традиции трехязычия. Кроме того, в данной работе описываются особенности белорусской речи говорящих о родном литовском языке, то-есть, особенности "вторичной" версии белорусского языка, наслоившегося на литовский субстрат.

Возможность типологического сравнения фонологических систем обеспечивается единообразием процедур описания, примененных к различным говорам. Оно выразилось уже в том, что во всех случаях мы старались использовать единую систему транскрипции. Далее, при установлении инвентаря фонем исходным был один и тот же дистрибутивный критерий, а именно: функциональность транскрипционного знака считалась установленной при условии его встречаемости в позициях, которые в равной мере олухат контекстом различения других знаков.

Идентификация фонологических единиц (в данной работе рассматривается уровень сегментного различения) осуществлялась с помощью одного и того же набора различительных признаков: гласность, огласность, компактность, диффузность, периферийность, напряженность, назальность, непрерывность, яркость, звонкость, палатальность.

При сохранении терминологии Р.О. Якобсона и его соавторов, разработавших теорию бинарных различительных признаков применительно к акустической субстанции, указанные признаки используются в данной работе скорее как логическая система идентификации фонем (12). Опираясь преимущественно на слуховой анализ, мы основывались при отсчете различительных элементов на теоретическом и общепринятом соотношении между акустической, артикуляционной и перцептивной сторонами звуков речи.

Единообразие процедур идентификации достигается помощью во всех случаях иерархией признаков и единым порядком идентификации классов фонем.

При описании парадигматического плана мы сочли целесообразным, имея в виду последующее типологическое сравнение, вывести некоторые количественные показатели, характеризующие статистическую структуру матриц идентификации, а именно коэффициенты мощности и симметричности различительных признаков.

Очерки фонологических систем включают и описание распределения фонем в последующих говорах. Уделяется внимание особенностям построения вокалической схемы слова, упорядоченным сочетаниям двух и более фонем (описываются, в частности, структура α - и β -полей согласно процедуре Ф.Харри и Г.Лейпера), а также подсистемам фонологических единиц, формирующих начало и конец слова.

Результаты исследования рассматриваются в последней, пятой главе, посвященной типологии фонологических систем описываемых говоров.

Собственно говоря, мы ограничиваемся двумя планами сопоставления. Вначале сравниваются между собой показания белорусского, литовского и польского говоров, осуществляемых в пределах одного пункта. Тем самым по существу подводятся типологические итоги каждой из описательных глав и выявляются характеристики обследованных нами пунктов с точки зрения индивидуальной картины интерференции и ее результатов, запечатленных белорусской, литовской и польской фонологическими системами.

Затем мы обращаемся к другому, можно сказать, ареальному плану сравнения: нас интересуют те сходства и расхождения, которые обнаруживают говоры одного языка, приуроченные к различным трехязычным комплексам. На основании данных о локальном или повсеместном (в пределах исследуемой группы говоров) распространении тех или иных черт фонологической системы складывается представление о белорусском, литовском и польском типах фонологической системы, характеризующих район белорусско-литовско-польского трехязычия.

Нет сомнения, что для понимания языковых процессов, происходивших и идущих ныне на описываемой нами территории, чрезвычайно важно было бы определить место наших говоров в диалектных континуумах и диаспотамах (по У. Вейдрейху) соответствующих языков. И по всей вероятности, в первую очередь следовало бы привлечь к сравнению смежные говоры, охватывающие зону активных и непосредственных литовско-славянских контактов. Однако этот аспект сравнения является самостоятельной задачей, разрешение которой зависит от планомерного ареально-типологического описания соответствующих языковых территорий. Прием внешнего типологического сравнения отчасти все же используется нами: для того, чтобы отчетливее выявить характер фонологии интересующего нас района, мы привлекаем сведения о фонологических системах белорусского, литовского и польского литературных языков, которые фигурируют в качестве систем отчета в типологических процедурах, касающихся парадигматического плана.

Приводим в самом общем виде, по необходимости опуская многие детали, основные данные о фонологических системах исследованных говоров.

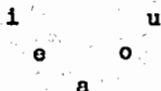
1. При сопоставлении белорусских материалов по всем четырем пунктам выделяются два типа вокалических систем:

Лаздуны - Девенишки - Герваты: $o \hat{e} o \hat{o} i u a$
 Зетела (Дятлово) : $e o i \hat{i} u \hat{u} a^{15}$

Таким образом, максимальный вокалический инвентарь, учитывающий различительные возможности гласных для всей рассматриваемой группы белорусских говоров (теоретико-

множественная сумма белорусских гласных инвентарей), состоит из 9 единиц: е, ê, о, ô, і, î, у, û, а.

В реальных же фонологических типах действие признака напряженности ограничивается либо гласными среднего подъема, недиффузными, либо гласными верхнего подъема, диффузными, не затрагивая нижний подъем. В результате набор постоянных, повторяющихся во всех системах элементов (теоретико-множественное произведение) исчерпывается пятью единицами:

Заметим, что пятичленный треугольник гласных помимо логического имеет в данном случае и реальное содержание: он представляет собой систему гласных, характеризующую белорусскую речь младшего и отчасти среднего поколения, и более того, нет сомнения, что в направлении этой системы в той или иной мере эволюционируют все без исключения диалекты.

Консонантный фон в рассматриваемых говорах за небольшими исключениями однообразен. В Лаздунах и Довенишках мы наблюдали 37-фонемную систему огласных: г, л, л', н, н', м, п', ж, т, д, с, з, в, з', р, р', б, б', ф, ф', в', ь, с', з', з', ь, с', ж, ж', к; к', г, г', х, ь, ь'.

Консонантизм Гервят и Зетель отличается лишь отсутствием г', различие это, однако, далеко не существенно, поскольку речь идет о крайне маргинальном элементе системы: в Лаздунах и Довенишках противопоставление г-г' по сути дела реализуется только в топонимах и микропонимах литовского происхождения. Заметим, что з', з', с', ж' характеризуются "краспалатальной" (по О.Броку) артикуляцией и относятся к классу компактных.

Таким образом, наиболее развернутой фонологической системой обладают Лаздуны и Довенишки - 44 фонемы, гервятский и зетельский белорусские говоры различают 43 фонемы.

2. В белорусской речи информантов, для которых родным языком является литовский, представлена обычно та же опoтeма гласных, что и в исконном белорусском говоре каждого пункта.

Отличительные особенности этой верoй белорусских говoрoв связаны с областью консонантизма. Они коренятся в сужении (по сравнению с поконным типом говoра) oферы признака непрерывности. Основные приметы литовского оуб-страта в белорусской речи таковы:

замена f, f' на $\dot{p}, p'$; замена $x, (x')$ на $k, (k')$; замена γ, γ' на нуль звука или гортанную омычку (в антевокальном и интервокальном положении), а также на $\varepsilon, \varepsilon'$ (чаще всего перед согласными). γ' в интервокальном положении может замещать j .

Общий фонемный инвентарь, характеризующий "вторичную" верoй белорусских говoрoв, является во всех случаях ядерным по отношению к белорусскому и литовскому исконным типам.

3. Подразделение на типы литовских вокалических систем выглядит следующим образом:

Лаздуны - Девенишки:	e	ê	o	ô	i	u	a
Вогола:	e	o	i	î	u	û	a
Гервяты:	e	ê	o	i	u	â	â ¹⁴⁾

Суммарный инвентарь равен 10 единицам: e, ê, o, ô, i, î, u, û, a, â. Этот диапазон различительных возможностей вокализма определен тем, что признак напряженности вступает в комбинацию со всеми без исключения гласными.

В рамках одного типа напряженными могут быть либо гласные среднего подъема (недиффузные), либо верхнего (диффузные), либо пару напряженных оставляют гласный среднего подъема (недиффузный) и гласный нижнего подъема (компактный).

Таким образом, общий, постоянный фон литовских вокалических систем (ядерный инвентарь) оводится к пятичленному треугольнику, вовсе исключаящему напряженность:

Примечательно, что эта логическая система находит себе реальное соответствие: она тождественна вокалической системе литовских диалектов (представленных в каждом из наших пунктов) с более или менее ясно выраженной тенденцией к монофтонгизации дифтонгов (разумеется, при некоторой абсолютизации этой манеры произношения).

Консонантные системы описываемых литовских говоров чрезвычайно схожи в типологическом отношении. Если ядерный инвентарь включает 33 фонемы (r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', s, s', z, p, p', b, b', v, v', š, š', ž, ž', č, č', ǰ, ǰ', k, k', g, g'), то суммарный превосходит его лишь на 3 единицы: ʒ, x, ɣ, — причем, каждая из них занимает сугубо маргинальное положение в соответствующей системе.

Ядерный инвентарь совпадает с системой согласных девоншского говора. В Гервятах к этому инвентарю добавлено ʒ (34 единицы). В лавдуном говоре представлено еще и ɣ (35 единиц). Зотельский говор присоединяет к ядерному инвентарю x, ɣ (35 единиц). Отметим, что во всех случаях v', z', s', ʒ', артыкулируемые так же, как и соответствующие единицы белорусских говоров, относятся к классу компактных фонем.

В общем же, наиболее развернутые фонологические системы (Лавдуны, Зотола) насчитывают 42 единицы, гервятский говор различает 41 единицу, девоншский — 40.

4. Польские говоры исследуемых пунктов представляют по существу один тип фонологической системы, что в известной степени предопределено аналогичными условиями появления и функционирования польского языка¹⁵⁾.

Назальность гласных либо вовсе утрачивается, либо консонантизируется (в зависимости от позиции); таким образом, вокалические системы во всех случаях состоят из

5 единиц:

1   u
      e   o
      a

В системе огласных различаются 35 фонем: г, 1, 1', п, п', п, ш', j, t, d, c, j, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', g, g', x.

Польские фонологические системы в целом насчитывают 40 единиц.

В заключительной главе работы сопоставление парадигматических моделей продолжено в сводных таблицах, отражающих статистическую структуру матриц идентификации (при этом учитываются и соответствующие характеристики литературных языков).

В типологическом обзоре рассматриваются также особенности распределения фонем.

В описываемых говорах выделяются два типа организации вокалических схем слова: в литовских и польских говорах гласные в слове распределяются в принципе независимо от просодии, тогда как белорусские говоры в безударных позициях редуцируют свой репертуар гласных. Однако примечательны некоторые явления, ведущие в конечном счете к пересечению обеих схем: с одной стороны, отступления (частично морфологизованные) от нормы полного недиссимилятивного аканья-яканья в белорусских говорах, с другой же стороны — широко распространенное польское "акающее" произношение, а также неразличение о, е в безударном окончании (Лаздуны, Герваты) и некоторые другие спорадические явления в литовских говорах. В литовском (Зетела) и польском (Герваты) отмечены явления, которые при всем несходстве фонетического эффекта могут интерпретироваться как в известном смысле изоморфные аканью (элиминирование среднего подъема в пользу верхнего).

Характерны некоторые схожие закономерности и встречаемые производительные тенденции, определяющие структуру

α - и β - полях. В частности, имеются в виду правила

функционирования звонкости, палатальности и компактности в консонантных группах; запрещение v, v' перед согласными в белорусских, литовских и (факультативно) польских говорах; некоторые общие особенности консонантных α -полей e, i и оформления тавтосиллабических и гетеросиллабических последовательностей гласных.

Особо коснемся синтагматического статуса t', d' — единиц, присутствие которых является специфической чертой литовского консонантизма. Функционирование этих единиц связано с существенными дистрибутивными ограничениями. Помимо закономерного "дзуканья" (Лаздуны, Девенишки, Гярвяты), ограничивающего встречаемость t', d' перед i, ie (которым может предшествовать v'), рассматриваемые говоры знают ассимиляцию t', d' и в других антевокальных позициях ("гипернормализмы дзуканья" по Ю.Сенкусу). Кроме того, во всех пунктах в большей или меньшей степени наблюдается субституция $t' > k', d' > g'$. Заметим (отвлекаясь здесь от различных гипотез о корнях этого явления), что в обстановке исследуемых говоров такое произношение воспринимается как некоторый контраст по отношению к наметившейся экспансии ассимилируемых t', d' . Иначе говоря, сдвиг в заднеязычную зону выглядит как попытка говорящих избежать фрикативной рекурсии t', d' , сохранив при произнесении этих звуков ту же высокую степень артикуляционной энергии палатальности. В совокупности указанные явления ведут к ограничению встречаемости t', d' , а в некоторых идиолектах колеблют и парадигматический статус этих единиц.

Чрезвычайно близки в исследуемых говорах особенности строения трехчленных консонантных созвучий, однотипны и предпочтительные позиции их употребления.

В оформлении начала и конца слова также обнаруживается сходство: в каждом из говоров абсолютное начало слова служит позицией различения почти всего фонемного инвентаря, тогда как на конце слова выступает обычно вдвое меньшее число единиц. При этом во всех говорах наиболее универсальные ограничения на конце слова касаются класса

звонких огласных и палатальных периферийных. Вокалическое начало слова обнаруживает склонность к протезе (наиболее отчетливо это выражено в белорусских и литовских говорах). Характерны свободное варинирование $v - \gamma$, выступающих в роли протетического элемента, и связанная с этим подвижность непротетических начальных v и особенно γ .

К работе прилагаются образцы диалектных текстов, записанных нами в Лядунах, Дзвенишках, Гервятах, Зетеле, а также основная библиография.

1) Z.Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, стр.24.

2) S.Glinka. Granica językowa i przykłady zróżnicowania fonetycznego gwar białoruskich Białostoczczyzny. Sprawozdania Wydziału Nauk Społecznych Polskiej Akademii Nauk, zes. 5. Warszawa, 1960.

3) T.Zdancewicz. Wpływy białoruskie w polskich gwaraх pod Sejnami. Poznań, 1966, карта.

4) Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак (пад рэд. Р.І.Аванесавы, К.К.Крапівы, Ю.Ф.Мацкевіч) Мінск, 1968, стр. 163-177, 277-307.

5) То же, по всей вероятности, следует предположить для некоторых пунктов северо-восточной Польши. Ср. T.Zdancewicz. Wpływy litewskie i wschodniosłowiańskie w polskich gwaraх pod Sejnami. Acta Baltico-Slavica, t.I. Białystok, 1964.

6) См. Т.М.Судник, С.М.Толстая, В.Н.Тоноров. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза. Советское славяноведение, №2, М., 1967. Косвенным свидетельством в пользу вероятного типологического уподобления говоров являются приведенные в этой статье признаки сложившегося на данной территории единого культурного комплекса: например, общие для Белоруссии и восточной Литвы типы жилища и хозяйственных построек, детали строи-

тельной техники, общие черты в покрое одежды, в пище, утвари и других элементах материальной культуры, а также сопоставимые особенности мифологии, обрядности, фольклора. Этот перечень теперь может быть дополнен и конкретизирован за счет тех новых фактов, которые стали известны в итоге комплексной литовской экспедиции в Девенишский край (см. сборник "Dieveniškės". Vilnius, 1968).

7) J. Otrębski. *Wschodnioliteńskie narzecze twereckie*, cz. III. Kraków, 1932.

8) См. Лексічныя балтызмы ў беларускай мове (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1969.

9) V. Urbutis. *Dabartinis baltarusių kalbos lituanizmai*. *Baltistica*, V(1), V(2). Vilnius, 1969.

10) См. Актуальные проблемы славяноведения (Материалы координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения). М., 1961.

11) Ср. хотя бы: Я. Отрембский. Язык ятвягов. Вопросы славянского языкознания, 5. М., 1962. Т.М. Судник,

12) См. М.И. Лекомцева, Д.М. Сегал, С.М. Щур. Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков. Славянское языкознание. У Международного съезда славистов. М., 1963.

13) Надстрочным значком условно передана фонологическая напряженность гласных, имеющая в говорах довольно широкий диапазон фонетических реализаций.

14) $\hat{a}$ соответствует дифтонгу *ua* в следующих примерах (транскрипция П. Арумаа): $\underline{u}a\hat{y}v\hat{a}\cdot la$, $\underline{u}\hat{z}ua\hat{l}\hat{e}\cdot lin$, $\underline{i}ua\cdot do$, $d\hat{z}i\cdot nu\cdot avun$ и т. п.

15) Ср. Т. Zdancewicz. *Wpływy białoruskie...*, стр. 9.

Публикации по теме диссертации:

1. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза. Советское славяноведение, 2. М., 1967. (совместно с С.М. Толстой и В.Н. Топоровым).

2. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза. Тезисы конференции "Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии" (Институт славяноведения

АН СССР). М., 1964. (совместно с В.Н.Топоровым и С.М.Шур).

3. Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говоров Гервят). "Проблемы индоевропейского языкознания". М., 1964.

4. Lazūnai . Белорусская, литовская и польская фонологические системы. "Сборник исследований по балтийским и славянским языкам". М., "Наука" (в печати).

5. О структуре двуязычных фольклорных текстов. Тезисы докладов второй летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966.

6. Из наблюдений над фонетикой славянских заимствований в литовском. "Кузнецовские чтения". Тезисы докладов конференции по фонологии и морфонологии. (Институт языкознания АН СССР). М., 1970.

7. О применении некоторых новых методов в работах по общей и славянской диалектологии. "Вопросы языкознания", № 4. М., 1963. *(совместно с С.М.Шур)*

8. Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков. "Славянское языкознание". У Международного съезда славистов. М., 1963. *(совместно с М.И. Лекомцевой, В.И. Сегалюк, С.М. Шур)*

Подписано к печати 6/1-1971 г.
Т-01313 Объем 1,75 п.л. Тир. 150 экз. Зак. 13

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

